

Детектив-любитель Надежда Лебедева

Наталья Александрова

Свекровь по вызову

«Автор»

2008

Александрова Н. Н.

Свекровь по вызову / Н. Н. Александрова — «Автор»,
2008 — (Детектив-любитель Надежда Лебедева)

Надежде Лебедевой удивительно везет на неприятности. Села в ночную маршрутку – а там труп... Не успела испугаться, как этот труп украли подозрительные личности... И как будто этого мало – она потеряла свой мобильник, а вместо него подобрала телефон убитого. И на этот телефон начали приходить загадочные сообщения...

Содержание

Конец ознакомительного фрагмента.	34
-----------------------------------	----

Наталья Александрова

Свекровь по вызову

Надежда Николаевна Лебедева вышла из больничных ворот и перешла дорогу. В этой больнице она навещала свою родную тетку Тамару Васильевну, которая умудрилась, не покидая собственной квартиры, сломать ногу. Тамара Васильевна вешала занавески и упала со стула. В ее восемьдесят лет это могло закончиться трагически, но дело ограничилось сложным переломом голени. Впрочем, в таком возрасте и перелом ноги может стать роковым. Однако, к удивлению врачей и соседей по палате, сломанная нога заживала удивительно быстро, и тетка рассчитывала уже через неделю выписаться.

Надежда Николаевна ничуть не удивлялась такому быстрому выздоровлению: Тамара Васильевна, сестра ее матери, была женщиной необыкновенной. Всю свою трудовую жизнь она работала инженером-конструктором авиационной техники, но она не только и не столько стояла за кульманом – она бесконечно моталась по заводам и полигонам, участвовала в испытаниях новых самолетов и привыкла к всевозможным трудностям и лишениям. В командировках ей приходилось скакать на лошади по бескрайним казахским степям, совершать многокилометровые пешие переходы, преодолевать вплавь горные реки. Разумеется, при такой нелегкой кочевой жизни у нее часто случались всевозможные травмы и переломы, но, по ее собственным словам, на ней все заживало, как на кавказской овчарке.

С возрастом Тамара Васильевна уgomонилась, превратилась в обычную пенсионерку, но необыкновенная прочность организма сохранилась и в преклонном возрасте.

Приходу племянницы Тамара Васильевна очень обрадовалась:

– Хоть поговорить с тобой, душу отвести! – сказала она, выбравшись в коридор, опираясь одной рукой на костыль, а другой на Надеждино плечо. – А то с этими, – она пренебрежительно махнула рукой в сторону соседок по палате, выронив при этом костыль, – с этими и говорить не о чем! Закоренелые мешчанки! Все разговоры только о телесериалах да о том, в каком магазине продукты дешевле!

Надежда скрючилась, поднимая костыль, и схватилась за поясницу – несмотря на разницу в возрасте в четверть века, железным теткинм здоровьем она не обладала.

– Тетя Тамара, – проговорила она укоризненно, распрямившись и растерев поясницу, – ну что за самодеятельность? Зачем ты полезла вешать эти несчастные занавески? Позвонила бы мне, я бы приехала и все тебе сделала...

– Ты что, считаешь меня беспомощной старухой? – В теткинм голосе прозвучала плохо скрытая обида. – Я пока еще сама могу себя обслуживать! И радикулитом не страдаю... как некоторые! – И она смерила взглядом племянницу. – И вообще, я надеялась, что ты приехала поговорить со мной, а не читать мне нотации!

Надежда устыдилась и оставила запретную тему.

Тамара Васильевна использовала ее визит на двести процентов, устроив настоящий вечер воспоминаний. Она рассказывала о героических эпизодах своей молодости, о знаменитых конструкторах и летчиках-испытателях, с которыми столкнула ее судьба. При этом она не придавала значения тому, что племянница все эти истории слышала далеко не в первый раз, и совершенно не замечала времени. Наконец Надежда взглянула на часы и ахнула:

– Тетя Тамара, уже одиннадцатый час! Я побегу, а то Саша будет волноваться!

– Одиннадцатый час? Детское время! – отмахнулась тетка. – До чего же вы, молодежь, изнеженны! Вот, помню, в сорок шестом году, когда мы сдавали изделие «Василек», мы вообще неделями не уходили с работы! Принесли из дома раскладушки, одеяла... Ну ладно, если уж ты так спешишь, не буду тебя задерживать!

И вот теперь Надежда Николаевна вышла на пустынную улицу и огляделась.

Вокруг больницы было совершенно безлюдно, и какой-то неприятный холодок проник в ее душу. Кроме того, как назло начал моросить мелкий противный дождь, что тоже не улучшило настроения. Перейдя дорогу, Надежда свернула в темный переулок, где находилась конечная остановка маршрутных такси. Правда, в такое время рассчитывать на удачу было слишком самонадеянно...

Тут ее ждала нечаянная радость: на кольце стояла нужная ей маршрутка.

Надежда прибавила шаг, подошла к микроавтобусу и забралась внутрь.

Водителя на месте не было – видимо, ушел сдать диспетчеру маршрутный лист или просто выпить чашку чая. В салоне сидел единственный пассажир – мужчина лет тридцати, в приличном темно-синем костюме и галстук, с тоненькой кожаной папкой на коленях. Глаза его были полузакрыты – видимо, в ожидании водителя он подремывал после трудного дня.

Надежда села на переднее сиденье.

В микроавтобусе было не намного теплее, чем на улице: окошко над вторым пассажиром было открыто, и туда задувал холодный ветер. Кроме того, дождь усилился, и его холодные капли залетали в окно, попадая Надежде за шиворот.

– Молодой человек, – проговорила она, повернувшись к дремлющему соседу, – не могли бы вы закрыть окно?

Тот ничего не ответил и даже не пошевелился.

– Неужели вам самому не холодно? – предприняла Надежда Николаевна вторую попытку.

Мужчина никак не отреагировал на ее слова.

– Попадают же такие толстокожие типы... – проворчала Надежда. – Ну да известно: если хочешь, чтобы дело было сделано, делай его сам... то есть сама...

Она встала, подошла к невежливому пассажиру, перегнулась через него и потянула вниз оконное стекло. Окно было очень тугое. Надежда Николаевна надсадно пыхтела, пытаясь справиться с ним, и косилась на мужчину, надеясь, что он все же усовестится и поможет ей. Однако он по-прежнему сохранял полнейшую невозмутимость, как будто все происходящее несколько его не касалось. Надежда неодобрительно вздохнула. С виду вроде бы интеллигентный человек, научный сотрудник... Ей бросилась в глаза вытисненная на папочке надпись – «Восьмая международная конференция по энергосберегающим технологиям».

Наконец непослушное окно поддалось и захлопнулось, при этом Надежда едва удержала равновесие и покачнулась, задев локтем молчаливого соседа.

И тут произошло нечто очень странное.

Мужчина качнулся и безвольно завалился на бок, как тряпичная кукла, при этом по-прежнему не издав ни звука и не подав никаких признаков жизни.

Надежда ойкнула и отскочила, не сводя глаз с этого странного человека.

– М... молодой ч... человек! – очень тихим, дрожащим голосом проговорила она. – М... молодой человек, вы чего? Вам плохо? Не пугайте меня!

Молодой человек ничего не ответил.

Он лежал поперек сиденья в совершенно безжизненной позе. Из-под полуопущенных век поблескивали краешки глазных белков, голова была повернута под каким-то неправильным углом.

Именно это, а также странная, мертвенная бледность его лица, на которую Надежда прежде не обращала внимания, внушила ей страшную мысль.

Этот человек был мертв.

– Ой! – тихонько вскрикнула Надежда Николаевна.

Она хотела бы вскрикнуть погромче, но побоялась. Ей ужасно не хотелось громким криком разрушать окружающую настороженную тишину. Проще говоря, ей было очень страшно.

Одна, в темной маршрутке, наедине с трупом... Тут кто угодно испугается! Любая обычная женщина на ее месте просто грохнулась бы в обморок!

Однако Надежда Николаевна Лебедева была женщиной не совсем обычной.

От обычных женщин она отличалась решительным характером, аналитическим складом ума, а также, по мнению ее мужа Сан Саныча, болезненной склонностью к авантюрам. Эта врожденная склонность, а также особенное, весьма специфическое везение приводили к тому, что Надежда Николаевна очень часто оказывалась втянутой в различные чрезвычайно опасные и, прямо скажем, криминальные истории. На месте сотрудников страховых компаний знакомство с ней стоило расценивать как фактор повышенного риска, сравнимый с проживанием в сейсмически опасном районе.

Однако благодаря упомянутому выше решительному характеру и аналитическому складу ума Надежда каждый раз благополучно выпутывалась из всех этих криминальных историй и никогда не терялась перед лицом опасности.

По крайней мере не терялась надолго.

Так и сейчас: в первый момент она испуганно вскрикнула и попятилась, но уже через несколько секунд взяла себя в руки и преодолела минутную панику.

Нужно было срочно сделать две вещи: во-первых, убедиться, что незнакомец действительно мертв, а не потерял сознание, то есть что помочь ему уже ничем нельзя. И во-вторых, если он еще жив, на что Надежда Николаевна в глубине души очень надеялась, как можно быстрее вызвать «скорую помощь», а если действительно мертв – милицию.

Надежда Николаевна снова опасливо приблизилась к незнакомцу, на всякий случай еще раз окликнула его, разумеется, не получила ответа и после этого очень осторожно прикоснулась пальцами к его шее, чтобы нащупать пульс.

И тут же отдернула руку.

Потому что вместо пульса она почувствовала под рукой мокрый воротник рубашки, насквозь пропитанный какой-то густой, чуть теплой жидкостью.

Надежда поднесла пальцы к глазам... и снова тихо ойкнула.

Пальцы были испачканы чем-то красным.

Несомненно, это была кровь.

– Ничего страшного, – проговорила она, стараясь заговорить страх звуками собственного голоса. – Что я, трупов не видала? Сейчас вызову милицию, и все будет нормально...

То есть, разумеется, она отлично понимала, что ничего не будет нормально.

Ее задержат как свидетеля, привезут в отделение милиции, продержат там всю ночь... Сан Саныч, конечно, будет ужасно волноваться... То есть она, разумеется, позвонит ему, сообщит, что с ней произошло, но муж все равно будет нервничать и сердиться на нее за то, что она снова умудрилась вляпаться в какой-то криминал, и ни за что не поверит, что она в этом ничуть не виновата...

Короче, нужно поступить вот как: вызвать милицию, сообщить, что в маршрутке, которая стоит в таком-то месте, находится труп, а самой быстренько сбежать...

Надежда вытерла окровавленные пальцы носовым платком и вытащила из кармана мобильник.

Пальцы ее предательски дрожали и никак не попадали в нужные кнопки.

А когда Надежда могучим усилием воли справилась с этой дрожью и почти набрала номер, подлый мобильник выскользнул из ее руки и закатился под самое заднее сиденье.

– Ну что же это такое! – воскликнула Надежда Николаевна вполголоса и бросилась под сиденье за злополучным телефоном.

То есть она только собиралась броситься.

На деле это оказалось не так уж просто.

Маршрутка была тесная, сиденья расположены удивительно близко одно к другому, а Надежда Николаевна была хотя и нетолстой женщиной, но и не такой стройной и гибкой, как в дни своей юности. Она вела долгую, изнурительную ежедневную борьбу с каждым лишним

килограммом, но в этой борьбе понемногу уступала безжалостному противнику, о чем свидетельствовали крючки и застёжки на юбках и брюках и неумолимая стрелка весов.

Поэтому она не бросилась под заднее сиденье, а довольно неловко вползла под него и принялась шарить руками по грязному полу, пытаясь нащупать свой злополучный телефон.

В маршрутке и вообще-то было довольно темно, а уж под сиденьем и вовсе царил глубокий мрак, так что при поисках телефона приходилось полагаться исключительно на осязание. Надежда шарила по полу, но натыкалась на окурки, фантики, обертки от мороженого и прочие малопривлекательные предметы, оставшиеся от неаккуратных пассажиров. Натужно пытаясь, она вытянула руку как можно дальше и наконец дотянулась до непослушного телефона. Подцепив его за краешек, потянула к себе и вдруг услышала, что в салон маршрутки торопливо вошли какие-то люди.

Надежда Николаевна представила, в какой ужас они придут, увидев мертвеца на сиденье, и попыталась выбраться наружу, чтобы своевременно предупредить новых пассажиров о трупке. Однако это оказалось далеко не просто: она прочно застряла под сиденьем и не могла двинуться ни вперед, ни назад.

Это было неприятно и унижительно. Надежда глубоко вздохнула и замерла, моля Бога, чтобы посторонние люди не увидели ее в таком глупом положении. При этом она убедилась, что сама-то их видит в щелку и хорошо слышит каждое их слово.

Это были двое мужчин средних лет. Оба были довольно высокого роста, широкоплечие и крепкие, но у одного имелись обширная лысина и длинные обвислые усы, как у лидера старой белорусской группы «Песняры» Владимира Мулявина, а у второго с волосами был полный порядок, зато на щеке красовалось родимое пятно неправильной формы, отдаленно напоминающее то ли Сицилию, то ли Корсику на школьной географической карте.

Внешний вид этих двоих показался Надежде Николаевне весьма подозрительным, и она передумала вылезать из-под сиденья. Однако еще более подозрительными оказались их действия.

Переглянув увшись, они направились напрямиком к мертвому пассажиру и ловко, слаженно выволокли его в проход.

– Хорош о, что водила не вернулся, – проговорил усатый низким, хриловатым голосом, – а то пришлось бы и его...

– Да ладно тебе, не накаркай! – отозвался обладатель родинки. – Раз уж везет, так везет до конца...

Больше они не сказали ни слова, вытащили труп из маршрутки и, судя по звуку, погрузили его в багажник легковушки. Еще через полминуты послышался звук отъезжающей машины.

Надежда какое-то время сидела, неловко скорчившись под сиденьем, и едва дышала от страха.

Царившую в маршрутке тишину нарушал только какой-то равномерный дробный стук. Прислушавшись, Надежда Николаевна с изумлением осознала, что это стучат ее собственные зубы. Она плотно сжала челюсти, чтобы прекратить этот аккомпанемент, и резко рванулась на свободу. На этот раз, видимо, благодаря сильным эмоциям, это у нее получилось, и она, как пробка из теплой бутылки шампанского, вылетела в проход между сиденьями.

Там она не задержалась, а стремглав выскочила на улицу и помчалась по темному переулку как можно дальше от страшного места.

При этом она развила такую скорость, что сама не заметила, как преодолела половину пути до дома.

Только тут она притормозила, перевела дыхание и вспомнила, что до сих пор не позвонила мужу.

Представив себе, как нервничает Сан Саныч и как ей попадет от него за такое легкомыслие, она вытащила мобильник и подошла поближе к тускло светящемуся фонарю.

И тут ее ожидал еще один сюрприз.

Мобильник был чужой.

У Надежды Николаевны был новенький телефон фирмы «Самсунг» – без особых наворотов, но очень удобный и симпатичный, в темно-зеленом корпусе, который замечательно подходил к ее новой куртке. Еще у ее телефона были крупные, удобные клавиши. А самое главное – этот телефон подарил ей муж.

Этот же мобильник был фирмы «Нокия». Он был наверняка дорогой, со всякими наворотами, на взгляд Надежды, совершенно бесполезными. Кроме того, это была явно мужская модель. Ну и вообще, чужой – он и есть чужой.

Несколько секунд Надежда тупо смотрела на незнакомый телефон, пытаясь осознать этот очевидный, но необъяснимый факт.

Наконец, собрав в кулак волю и присущую ей железную логику, она нашла ему простое и убедительное объяснение.

Уронив свой мобильник на пол маршрутки, она вместо своего нашарила на полу чужой телефон... То есть совершенно ясно чей – того самого мертвого мужчины... мертвого? Больше того, нужно уж договаривать до конца – убитого.

От такой мысли Надежду Николаевну передернуло, ей показалось, что в довольно теплой весенней ночи вдруг задул ледяной, пронизывающий до костей полярный ветер.

Она немедленно отбросила мелькнувшую было мысль вернуться к маршрутке и попробовать отыскать свой собственный телефон – она ни за что, ни за какие коврижки не смогла бы заставить себя снова прийти на то страшное место.

Не говоря о том, что за это время водитель маршрутки вполне мог вернуться и уехать с конечной остановки, даже не узнав, что произошло в его отсутствие.

Следующая мысль, мелькнувшая в ее голове, была куда разумнее – как можно скорее отделаться от телефона мертвеца, выбросить его в ближайшую мусорную урну или просто в придорожную канаву, а после этого забыть все происшедшее как страшный сон...

Однако прежде можно по этому телефону позвонить мужу, чтобы успокоить его и сообщить, что она жива, здорова и находится на пути домой.

Надежда потянулась к клавиатуре мобильного, чтобы набрать свой домашний телефон, как вдруг телефон ожил, словно почувствовал ее намерения.

Блестящая продолговатая коробочка вздрогнула и исполнила первые такты «Танца с саблями» из балета Арама Хачатуряна «Гаянэ».

Услышав эту давно забытую мелодию, Надежда Николаевна уставилась на мобильник.

Вдруг у нее в голове мелькнула совершенно дикая мысль, что до нее дозвонился беспокоенный муж.

Она нажала на зеленую кнопку и поднесла телефон к уху, собираясь произнести что-то в свое оправдание, объяснить, как к ней попал этот мобильник, однако не успела этого сделать, поскольку незнакомый мужской голос раздраженно проговорил:

– Я его видел!

Надежда поперхнулась от удивления и закашлялась. Ее невидимый собеседник, видимо, принял этот кашель за возражение и проговорил еще более раздраженно:

– Говорю тебе: я его видел собственными глазами! Ты понимаешь, что это значит? Он вернулся!

Надежда Николаевна этого, безусловно, не понимала. Однако ответить своему собеседнику не могла, потому что внезапно напавший на нее приступ кашля все не проходил. Незнакомец послушал ее несколько секунд, негромко чертыхнулся и выпалил:

– Ну можешь мне не верить, но я тебе все сказал, а дальше уже твое дело!

После этого из трубки донеслись сигналы отбоя.

Почему-то после этого странного звонка Надежда передумала выбрасывать мобильник мертвеца. Она сунула его в свой карман и прибавила шагу, благо до дома оставалось совсем недалеко.

Разумеется, муж ждал ее в дверях.

Разумеется, он был бледен, взволнован и сердит.

Разумеется, на руках у него сидел рыжий кот Бейсик и смотрел очень неодобрительно на Надежду.

Не то чтобы он сильно беспокоился за хозяйку, просто Сан Саныч нервничал в ожидании, беспрестанно вскакивал с дивана и бегал по комнате, а такие действия кот не слишком приветствовал. А точнее, очень не одобрял. С возрастом кот все больше ценил покой и комфорт. Еще он не любил, когда хозяин волновался о ком-то, кроме своего пушистого сокровища. Иногда в профилактических целях Бейсик устраивал себе легкие недомогания – начинал, к примеру, слишком сильно линять или пропускал одно кормление. Надежда-то видела рыжего симулянта насквозь и только посмеивалась, однако Сан Саныч впадал в панику, срочно звонил ветеринару, пытался кормить прохиндея с ложечки самыми вкусными вещами и покупал коту новые игрушки.

Надо сказать, что Бейсик был собственным котом Надежды Николаевны, он принадлежал ей еще до знакомства с Сан Санычем. Его принесла Надежде дочь в качестве подарка на день рождения. Разумеется, тогда он был крошечным комочком рыжей шерсти, в котором с трудом можно было найти розовый нос и четыре мягкие лапки. Надежда Николаевна в то время работала инженером и назвала котенка именем популярного в те годы языка программирования.

С тех пор Бейсик вырос в огромного наглого котяру, который, несомненно, считал себя главным членом семьи, в чем Сан Саныч ему очень подыгрывал.

Вообще Надежда подозревала, что муж любит кота больше, чем ее, и женился-то на ней, чтобы заполучить Бейсика в свое полное распоряжение. Баловал он кота невероятно, особенно если ему казалось, что любимый кот заболел.

Однако в этот вечер Бейсик и не пытался играть в больного, он знал, что хозяину сейчас не до него и номер не пройдет.

– Неужели ты не могла мне позвонить? – взволнованно воскликнул муж, едва Надежда переступила порог квартиры. – Я бы встретил тебя у метро!

Однако в следующую секунду он разглядел ее лицо и совершенно забыл о своих упреках.

– Что с тобой, Надя? – воскликнул он озабоченно. – На тебе буквально лица нет!

Он действительно был озабочен состоянием жены – настолько, что спустил Бейсика на пол. Рыжий разбойник недовольно фыркнул, поднял хвост трубой и направился на кухню, чтобы проверить – не появилось ли за время его отсутствия что-нибудь вкусное в мисочке.

– Налей мне чаю... – жалобно проговорила Надежда, – горячего, сладкого, с вареньем... нет, лучше с лимоном...

Эркюль Пуаро откашлялся, поправил свои знаменитые усы и проговорил с многозначительным и довольным видом:

– Друзья мои, теперь пришла пора, как говорите вы, англичане, снять с этих событий покров тайны...

– Изображает из себя невеста что! – прошептал мистер Синклер мистеру Льюису. – Этот спесивый иностранец думает, что он умнее всех! Нужно поставить его на место...

Пуаро хмыкнул и укоризненно посмотрел на него.

И в это время у меня зазвонил телефон.

Я чертыхнулась, отставила чашку чаю, убавила звук телевизора и сняла трубку с телефона.

Звонила Шурочка... или Сандра, как она любила себя называть.

– У тебя все в порядке? – зачастила она своим высоким, почти детским голосом. – Ты успела поменять замок?

– Замок? Какой замок? – переспросила я в недоумении.

Но Шурочка... то есть Сандра, как обычно, не слушала никого, кроме самой себя. Да и себя-то она слушала вполуха.

– Купила что-нибудь во Франции? – спрашивала Шурочка. – Нет? Ну и ладно, все равно схватила бы второпях какую-нибудь дрянь для туристов! Вещи нужно покупать здесь – в хороших магазинах, но со скидкой... Мы с тобой должны пройтись по магазинам! – трещала она, как сорока на заборе. – Сейчас повсюду скидки и распродажи! Распродажи и скидки! Просто обалденные! Буквально завтра... прямо с утра встанем и пойдем! Заодно покажешь, как ты загорела!

– Но, Шурочка... – я мгновенно поправилась, – но, Сандра, ведь ты знаешь, что я работаю!

– Глупости! – На этот раз она, кажется, расслышала мои слова. – Все работают, но все как-то устраиваются. Вот Лида Васильцова тоже работает, но тем не менее я встретила ее сегодня в час дня в Пассаже. Между прочим, на ней была такая кофточка – зашибись!

Шурочка... то есть Сандра очень любит употреблять такие словечки. Она думает, что от этого кажется моложе и живее. Ну пусть думает, если это доставляет ей удовольствие.

– Васильцова работает куратором какого-то художественного проекта, – проворчала я, – ей не нужно торчать на работе с утра до ночи. А я, между прочим, менеджер в крупной фирме, и у меня ненормированный рабочий день...

– Вот именно – ненормированный! – щебетала Сандра. – Значит, иногда ты можешь его немного сократить. Встретиться с подругой, пробежаться по магазинам, выпить чашечку кофе... Та же Васильцова... ты не представляешь, какие на ней были сапоги! Вишневые, на полуметровом каблуке, и пряжка со стразами Сваровски...

Я отодвинула трубку от уха.

Сандра... то есть Шурочка пытается делать вид, что мы с ней подруги. Точнее, что она моя подруга. Хотя на самом деле она – всего лишь моя бывшая свекровь.

Это же надо, мужа у меня больше нет, а свекровь осталась. В наследство, так сказать.

Да еще такая современная продвинутая свекровь, которая пытается жить во французском стиле – когда дружат и общаются с бывшими женами и мужьями, целуются при встрече, приглашают друг друга в гости, совместно проводят отпуск и попутно сообща решают житейские проблемы...

Мне всегда казалось, что в таком стиле жизни есть что-то ненатуральное. И уж в любом случае не все, что хорошо во Франции, приживается в России.

Эркуль Пуаро на экране что-то с умным видом объяснял мистеру Синклеру. Тот хватался за сердце, роняя чашку чаю. Мой собственный чай безнадежно остыл.

Ну почему я не могу резко оборвать разговор? Почему не могу сказать Шурочке, что вовсе не собираюсь дружить с бывшей свекровью? Почему не могу послать ее подальше?

«Сандра, я совсем недавно вернулась с работы, ужасно устала и хочу отдохнуть» – вот так нужно ей сказать.

Но нет, я никогда в жизни не смогу решиться на такую откровенную грубость.

Это все мой отвратительно мягкий характер! Гена, мой шеф, десять раз говорил, что с таким характером в серьезной фирме не сделаешь карьеры. Впрочем, я и не собираюсь делать карьеру, меня мое собственное место вполне устраивает...

– Ну не будь такой букой! – ворвался в мои мысли Шурочкин высокий голос. – Ты молодая женщина, ты должна думать о себе... Ты видела, как помолодела Лиза Мезенчук?

– Какая еще Лиза? – переспросила я, и тут же поняла, что допустила непростительную ошибку. Шурочке нельзя задавать вопросов – она на них начинает отвечать.

– Как, ты не знаешь, кто такая Лиза Мезенчук? Да ты что, не смотришь «У вас не все дома»?

Я не успела ответить, как вдруг Шурочка заторопилась:

– Ой, мне совершенно некогда с тобой разговаривать! У меня масса дел! Нужно позвонить Васильцовой, и Валентине Игнатьевне насчет массажа... Да, если тебе нужно, я могу дать телефон очень хорошего мастера, который поменяет тебе замки. Конечно, он берет дорого, но на замках ни в коем случае нельзя экономить... скупой платит дважды...

– Какие замки? – снова недоуменно спросила я. – Почему я должна менять замки?

Но Шурочка уже успела повесить трубку, и ответом мне были только короткие издевательские гудки.

Я облегченно вздохнула, подняла взгляд на экран телевизора и увидела проплывающие по нему финальные титры. Фильм закончился, и я так и не узнала, кто убил баронессу.

Ученые утверждают, что любопытство – двигатель прогресса. Дескать, люди задавали себе вопросы, к примеру: «Почему светит солнце?», или «Отчего идет дождь?», или совсем классический: «Отчего яблоко падает не вверх, а вниз, да еще при этом больно бьет по затылку?» Любопытные ученые пытались найти ответы на эти вопросы, оттого и развивалась наука.

Иногда я ощущаю себя сродни Исааку Ньютону. Не потому, что меня также стукнуло яблоком, а потому, что обожаю задавать себе разные вопросы. Только в отличие от автора закона всемирного тяготения на свои вопросы я никогда не даю ответа.

Вот и сейчас, повесив трубку, я задала себе вопрос: «Отчего я раз и навсегда не объясню бывшей свекрови, что я совершенно не желаю ходить с ней в салон красоты и по магазинам, не желаю слушать по телефону сплетни про ее знакомых (общих у нас нет), не желаю, чтобы она вмешивалась в мою жизнь?»

Как было бы здорово высказаться, к примеру, так: «Меня достала ваша очаровательная семейка еще с тех времен, когда твой сын был моим мужем. Мое самое горячее желание – больше не видеть вас с сыночком никогда. При звуке твоего голоса в телефонной трубке у меня начинается головная боль, а идиотское имя Сандра вызывает в памяти соседскую бульдожку из детства – она вечно писала на резиновый коврик возле нашей двери».

А вот интересно, какое в этом случае у свекрови будет выражение лица? Скорее всего она и тут вывернется, сведет все на шуточки, скажет, что я плохо отдохнула, и посоветует расслабиться, бегая по магазинам в ее обществе.

Думаю, вы уже догадались, что я – полностью закомплексована, как трудный подросток. Только четырнадцатилетнее чудовище устраивает истерики и убегает из дому, а когда его отыскивают и возвращают в отчий дом, оно успешно превращает жизнь родителей в ад, мои же комплексы заключаются в том, что я не выношу шума и скандалов, не умею сопротивляться грубости и хамству, не могу заставить себя отказать человеку раз и навсегда.

Всем знакомым прекрасно известно про мои комплексы, я не делаю из этого тайны. И можете себе представить, та же свекровь в свое время пыталась мне помочь! Это было два года назад, когда мы расстались с ее сыном.

Не могу сказать, что свекровь очень расстроилась, более того, она тоже приложила к нашему разводу свою сухонькую ручку с наманикюренными пальчиками, но об этом после. Но ей обязательно нужно было вмешаться и окончательно испортить мне жизнь, поэтому она отыскала где-то самого настоящего психоаналитика и записала меня к нему на прием.

– Дорогая, ты не понимаешь! – щебетала она по телефону. – Развод – это огромный стресс для организма! Особенно для женского! А со стрессом нужно бороться! Он может негативно сказаться на твоей внешности! В общем, тебе нужна помощь профессионала!

Я, как всегда, не смогла отказаться.

Фамилия профессионала была Леденцов, и похож он был на петушка на палочке – такие же прозрачные глаза и горделивый взгляд по сторонам из высокого кресла.

При слове «психоанализ» в голове обычного человека всплывает только имя доктора Фрейда, и еще я знала, что в кабинете психоаналитика непременно должна быть кушетка, якобы для того, чтобы посетители могли расслабиться. Это-то меня и смущало, я считала, что неприлично разлечься перед незнакомым человеком среди бела дня в рабочее время, да еще и вываливать ему про себя не слишком интересные подробности. Еще я знала, что последователи доктора Фрейда ищут причины возникших у пациента комплексов в его раннем детстве. Но со мной в раннем детстве ничего такого не происходило: отец не драл ремнем за двойки (он вообще меня в жизни пальцем не тронул), гнусный сосед не подсматривал за мной в ванной (мы жили в отдельной квартире) и любимую курочку в деревне не резали в моем присутствии (наша семья сугубо городская, никаких родственников в деревне у нас не имеется, и в детстве меня возили отдыхать в Крым).

Поэтому я сильно прибодрилась, не обнаружив в кабинете психоаналитика никакой кушетки. Очевидно, доктор Леденцов не был последователем доктора Фрейда. Как показало дальнейшее, я была совершенно права.

Доктор усадил меня за стол напротив себя и минут сорок читал лекцию о том, что такое стресс и как с ним бороться. Напрасно я боялась, что придется выворачивать перед ним душу, этот доктор слушал только себя (кстати, за мои деньги). Однако неудобно было его прерывать, и я выслушала его до конца. И даже почерпнула для себя кое-что интересное: как преодолевать стресс, как общаться с людьми и так далее. Очень хотелось записать кое-какие вещи, но доктор Леденцов был так великодушен, что подарил мне брошюру собственного сочинения, так что деньги за сеанс пропали не полностью. Комплексы же остались при мне, но, честно говоря, я так к ним привыкла, что не хотелось расставаться. Все-таки что-то родное...

Горячий, сладкий чай – замечательное успокоительное, особенно когда его подает любящий, заботливый муж. Пусть даже и немножко зануда. Надежда Николаевна выпила две чашки, и ее неудержимо заложило в сон.

Однако сон ее был беспокойным.

Снилось Надежде Николаевне, что она идет по длинным пустым коридорам то ли жилого дома, то ли какого-то учреждения, а за ее спиной раздаются приближающиеся шаги. Она идет все быстрее, постепенно переходит на бег – но преследователь не отстает от нее, его шаги становятся все громче, все ближе... уже слышно за спиной его хриплое, тяжелое дыхание...

Вдруг впереди в коридоре появляется еще какой-то человек.

Надежда бросается к нему, чтобы попросить о помощи, – и видит перед собой мертвенно-бледное лицо человека из маршрутки, залитую кровью рубашку... Мертвец вытягивает руку, пытается схватить Надежду, заступает ей дорогу, другой рукой он придерживает тонкую папочку с какими-то бумагами, эта папочка невольно притягивает к себе взгляд Надежды Николаевны, на ней вытиснено название конференции по каким-то технологиям...

Надежда шарахается в сторону и тут видит перед собой обычную квартирную дверь, обитую коричневым стеганым дерматином, с кнопкой звонка на косяке. Возле звонка привинчена старинная медная пластинка с выгравированной на ней надписью: «П.В. Зайончковский».

Надежда бросается к этой двери, нажимает на звонок... Негромкая трель доносится из глубины квартиры...

И тут Надежда проснулась.

Проснулась и поняла, что трель доносится с прикроватной тумбочки, где лежит тускло светящийся мобильник.

Еще не вполне выкарабкавшись из вязкого сна, Надежда Николаевна схватила телефон и нажала кнопку, чтобы не потревожить спящего рядом мужа.

Только после этого она окончательно проснулась и осознала одновременно две вещи: что звонок был короткий, извещающий о том, что на мобильник пришло SMS-сообщение, а самое главное – что телефон у нее в руке не ее собственный, а тот, который она по ошибке подобрала в маршрутке.

Надежда Николаевна никогда не читала чужих писем. У нее с детства было твердое убеждение, что делать так неприлично, недостойно порядочного человека.

Однако светящийся в темноте текст эсэмэски буквально притягивал ее взгляд, и против воли она прочитала: «Предмет в ГДР, ключ у более чем надежного человека. Я попытаюсь разругать ситуацию».

На этот раз неискоренимое любопытство Надежды преодолело врожденную щепетильность, и она нажатием кнопки вызвала на экран имя адресата.

Впрочем, это имя – Вадим – совершенно ничего ей не дало.

Неожиданно ровное сонное дыхание мужа прервалось, кровать скрипнула, Сан Саныч приподнялся на локте и сонным, озабоченным голосом проговорил:

– Надя, что-то случилось? Тебе кто-то звонил?

– Да нет... – Надежда поспешно убрала мобильник в ящик тумбочки. – Это от оператора сообщение пришло, что я приближаюсь к порогу отключения...

– Надо же, посреди ночи... – пробормотал Сан Саныч и добавил со своей обычной педагогической интонацией: – А я тебе всегда говорил, что нужно...

Дальнейшие слова потонули в сонном бормотании, муж лег на бок и тихо засопел.

А Надежда Николаевна еще долго не могла заснуть, обуреваемая самыми разными мыслями.

Первым ее побуждением было отключить чужой мобильник до утра, но затем она сообразила, что не знает PIN-кода и не сможет снова включить телефон. А ей с ее неумным любопытством ужасно хотелось порыться в его записной книжке.

Кроме всего прочего, Надежда чувствовала характерное покалывание в корнях волос, которое всегда предупреждало ее о том, что она в очередной раз столкнулась с криминальной загадкой. А с такими загадками она сталкивалась удивительно часто.

Да тут и без всяких дополнительных примет было ясно – труп в маршрутке, двое мрачных уголовников, загадочная эсэмэска...

Она вспомнила текст сообщения: «Предмет в ГДР, ключ у надежного человека...»

ГДР, Германской Демократической Республики, уже много лет не существует, она вошла в состав Федеративной Германии. Как же тогда понимать текст сообщения?

Никакого разумного объяснения у нее не было. Впрочем, неразумного – тоже.

Надежда еще немного поворочалась с боку на бок и неожиданно для самой себя снова заснула.

И, как это иногда бывает, попала в продолжение прежнего сна.

Снова она стоит перед дверью, обитой коричневым стеганым дерматином, снова к ней приближается мертвенно-бледный человек в окровавленной рубашке, но на этот раз Надежда понимает, что он не угрожает ей, а наоборот – просит о помощи, пытается что-то сказать, разевая рот, как выброшенная на берег рыба...

Надежда Николаевна хочет разобрать его безмолвную речь, прочитать его просьбу по губам, и ей это наконец удается.

«Предупредите Вадима!» – говорит ей мертвец.

Она кивает, обещая ему – она готова пообещать все, что угодно, лишь бы не видеть его бледное лицо, окровавленную рубашку, безмолвно открывающийся рот...

И словно поняв ее страх, мертвец закрывает свое мертвенно-бледное лицо папкой – той самой тоненькой кожаной папочкой, которая в маршрутке лежала у него на коленях. Вместо мертвого лица Надежда видит теперь золотое тиснение: «Восьмая международная конференция по энергосберегающим технологиям».

И тут она окончательно просыпается.

Из коридора доносится голос мужа:

– Надя, я ухожу! Завтрак на столе!

– Саша! – Надежда вскрикнула, скатилась с кровати, не попала с ходу в тапки, один из них оказался далеко под кроватью, и выбежала в коридор, шлепая одной босой ногой. – Саша, что же ты меня не разбудил? Я хотела тебя проводить...

– Ты так сладко спала, не хотелось тебя беспокоить! – Муж обернулся в дверях, ласково взглянул, и на сердце сразу потеплело.

Утром, едва я переступила порог офиса, где работаю уже несколько лет, жизнь, как водится, взяла меня в оборот.

Навстречу выскочила Жанна, менеджер из отдела претензий. Лицо ее было покрыто красными пятнами, руки тряслись.

– Там... там Крыжова!

Я сочувственно взглянула на Жанну, протянула ей сигарету. Она благодарно кивнула, закурила и стала более вменяемой.

– Как всегда! – Жанна страдальчески прикрыла глаза, повертела пальцем у виска.

Тут же в коридоре появился Гена, увидел Жанну, прошипел:

– Скворцова, ты почему ушла? Марш на место!

– Не могу! – Жанна бросила на него полный ненависти взгляд. – Хочешь – увольняй!

Наш начальник Гена – реалист. Когда он видит, что ничего не может сделать, он отступает. Вот и сейчас он понял, что Жанна ни за что не вернется к Крыжовой. Вплоть до увольнения. Тут он увидел меня и залебезил:

– Даша, я понимаю, это не твой клиент, но я тебя очень прошу... только с твоим золотым характером...

– Кто-то говорил, что у меня отвратительный характер – мягкий, не бойцовский... – мстительно припомнила я ему. – Кто-то говорил, что с таким характером не сделаешь карьеры...

– Я был не прав! Прошу тебя, только ты можешь ее урезонить... на тебя смотрит весь наш дружный коллектив!

Ну почему я никогда не могу сказать «нет»?!

Я вздохнула и вошла в кабинет.

Развалившись в удобном гостевом кресле, там сидела Нелли Ивановна Крыжова, одна из наших VIP-клиенток. Вдова крупного банкира, убитого в конце девяностых, богатая женщина, истеричка со следами былой красоты. Характерной особенностью Крыжовой было то, что на ней дорогие вещи от известных итальянских дизайнеров выглядели так, как будто их купили на вещевом рынке.

Перед Крыжовой стояла чашка кофе, вазочка с печеньем. Все-таки она VIP-клиент. Я вспомнила, что не успела позавтракать, и привычно расстроилась.

– Долго я буду здесь сидеть?! – завопила Нелли Ивановна мне навстречу. – Долго вы будете тратить мое время? Оно стоит дорого, очень дорого, милочка! Я много раз серьезно подумывала, не ошиблась ли я, доверившись вашей фирме...

– Над седой равниной моря ветер тучи собирает, – спокойно продекламировала я, вспомнив брошюру доктора Леденцова. – Между тучами и морем гордо реет Буревестник, черной молнии подобный... то крылом волны касаясь, то стрелой взмывая к тучам... или взлетая? Нет, кажется, все-таки взмывая...

– Что? – Крыжова удивленно заморгала накладными ресницами и уставилась на меня.

Именно на такую реакцию я и рассчитывала. Пока клиент орет, советовал доктор Леденцов, разговаривать с ним бесполезно. Он тебя все равно не слушает, он слушает только себя и упивается своей значимостью. Наслаждается тем, какой он крутой и грозный. Тем, как его все боятся, а значит – уважают. Поэтому его надо удивить, или напугать, или на худой конец растрогать – все, что угодно, лишь бы сменить его настроение, его установку на скандал.

– Здравствуйте, Нелли Ивановна, – начала я приветливо, убедившись, что она затихла и готова слушать меня. – Я хочу вас обрадовать.

– Обрадовать? – удивленно переспросила Крыжова. – Чем же это вы меня можете обрадовать? Ваша сотрудница только что «обрадовала» меня, она сказала мне, что вы не купили для меня высокодоходные акции «Балтфинанса»...

– Именно этим я и хочу вас обрадовать! – воскликнула я, повысив градус оптимизма в своем голосе. – Специально для вас мы купили привилегированные акции этой компании!

– Но ведь у них значительно меньшая доходность... – засомневалась Крыжова.

– Доходность? При чем здесь доходность? Вы, как наш ВИП-клиент, вправе рассчитывать только на привилегированные акции! Мы не простили бы себе, если бы упустили такую возможность...

Кажется, это на нее подействовало, и Нелли Ивановна немного успокоилась.

Это достаточно простой и известный способ – чтобы успокоить нервного клиента, нужно, во-первых, дать ему понять, что он – единственный и неповторимый, что ты только о нем и думаешь, и, во-вторых, внушить, что то, что он считает отрицательной стороной сделки, напротив, его главный выигрыш.

Все знают этот способ, но во время разговора с нервным клиентом очень трудно об этом вспомнить. Вся энергия, вся сила воли, все нервные ресурсы уходят на то, чтобы сдержаться и не разбить о голову клиента какую-нибудь дорогостоящую оргтехнику. Доктор Леденцов очень подробно освещает этот вопрос в своей брошюре.

Только к одиннадцати часам я наконец добралась до своей комнаты, плюхнулась в удобное кожаное кресло и включила компьютер в надежде заняться своими собственными делами, от которых меня, между прочим, никто не освобождал.

И в эту секунду зазвонил телефон.

Я поднесла трубку к уху и привычно проговорила:

– «Ариадна»!

– Какая Ариадна? – прозвучал в трубке смутно знакомый голос. – Мне нужна Дарья, Дарья Березкина!

– Эта наша фирма так называется – «Ариадна»! – со вздохом проговорила я. – Что вы хотели?

– Тебя! – выпалил голос. – И не прикидывайся, что это не ты! Я тебя узнала!

– Вот как? – холодно спросила я, с удивлением и неприязнью сообразив, кто меня домогается. – И откуда вы узнали мой служебный телефон?

Звонила вторая жена моего бывшего мужа.

– Станный вопрос! – фыркнула Карина. – У Вадима, само собой! Могла бы и сама догадаться!

Действительно, странный вопрос.

Если мне звонит теперешняя жена моего бывшего мужа, эта знойная женщина, мечта поэта с экзотическим именем и столь же экзотической внешностью, логично предположить, что мой рабочий телефон дал ей Вадим, мой бывший...

– Я на работе! – тихо, но твердо проговорила я, чтобы поставить точки над i.

– Нужно встретиться! – выпалила Карина. – Очень нужно!

Вот мило! Как будто мы с ней близкие подружки! И расстались только вчера... Да я вообще видела ее только два раза в жизни, первый – когда застала их с Вадимом в нашей еще тогда общей с ним спальне в очень интересной позе, второй – в прошлом году в ресторане на дне рождения свекрови, куда она затащила меня обманом.

В первый раз я даже не видела Каринино лица – меня очень поразила татуировка у нее на заднице: из крупного темно-красного цветка вместо Дюймовочки вылезает какая-то ящерица. Зато во второй раз эта стерва взяла реванш. Она сидела во главе стола, как царица бала, в ярко-красном очень открытом платье, и вызывающая силиконовая грудь почти скрылась под обилием золотых цепочек (на бриллианты-то мой бывший не зарабатывает, мне ли не знать).

Кстати, про силиконовую грудь я не по злобе клеветшу, а точно знаю, сведения верные – от свекрови.

Я же притулилась в уголке, среди самых дальних родственников, как полная дура, и провела вечер, как всегда, задавая себе вопросы, на которые не могла ответить, самый главный среди них был: за каким чертом я все это терплю?

Сейчас первая мысль была послать теперешнюю жену моего бывшего мужа как можно дальше, причем самым открытым текстом. Но... телефон служебный, кто-нибудь из моих милых сотрудников снимет параллельную трубку, услышит наш волнующий разговор и наступит Геннадия. И будет прав, потому что я работаю в крупной финансово-консультационной фирме и разговаривать с кем бы то ни было по телефону в хамской манере не имею права.

– Я на работе! – повторила я с тоской, не в первый раз за сегодняшний день рассердившись на свой нерешительный, амебный, как говорит Гена, характер.

– Это вопрос жизни и смерти! – взмолилась Карина. – Я тебя очень прошу... Хочешь, я на колени встану?

– Я этого все равно не увижу... – проворчала я, понимая, что в итоге уступлю.

– У тебя во сколько обед? – Она почувствовала слабинку в моем голосе и ковала железо, не отходя от кассы. – Давай встретимся в два в «Антилопе»...

Я еще не согласилась, а она уже диктует свои условия!

– Только не в два, а в полвторого, – перебила я Карину, – и не в «Антилопе», а в «Папе Карло».

«Папа Карло» – отвратительная забегаловка, гораздо хуже «Антилопы», но я должна была доставить этой нахалке хоть какое-то неудобство.

Работы накопилось невпроворот, и я спохватилась, когда на часах было уже двадцать пять минут второго. Я охнула, вскочила, бросила взгляд в зеркало, привычно ужаснулась и помчалась на встречу. В коридоре меня попыталась остановить Ольга из бухгалтерии, у нее был какой-то срочный вопрос, что-то связанное с последним квартальным отчетом, но я только нетерпеливо махнула рукой, сделала большие глаза и промчалась мимо, стуча каблуками.

Ольга, привыкшая к моей безотказности, очень удивилась.

Подозреваю, что теперь в бухгалтерии распространится слух, что у меня кто-то появился. А всякий слух, появившийся в бухгалтерии, ровно через пятнадцать минут расползается по всему нашему дружному коллективу.

Когда я влетела в бистро, на часах было уже без четверти два.

Карина сидела за угловым столиком, но от этого не казалась менее заметной. Надо признать, где бы она ни появлялась, Карина тут же оказывалась в центре внимания: пышная грива черных волос, яркие глаза, кроваво-красные губы, неумеренная боевая раскраска, да еще и

бешеный, истинно африканский темперамент. Вот и сейчас, увидев меня в дверях, она, по своему обыкновению, собралась устроить показательный скандал по поводу моего опоздания, но вовремя опомнилась, сообразив, что это не в ее интересах, что она сама просила меня о встрече, и взяла себя в руки.

Может ведь, если ей это нужно!

Может, вы думаете, что я сильно расстроилась, оттого что проигрываю рядом с ней? Действительно, мы совершенно не похожи, и в свое время, когда прошел первый шок от той, первой нашей встречи, когда я увидела голую Карину на нашей с мужем семейной постели, я перестала задавать себе вопрос «Что он в ней нашел?». На этот вопрос у меня как раз ответ был, бывший муженек нашел в ней то, чего никогда не было и не будет у меня.

Я – неяркая пепельная блондинка с серыми, как осенний день, глазами и хрупкой фигурой, характер имею мягкий и уступчивый, говорю преимущественно тихим голосом, смеюсь редко, больше улыбаюсь. Слышали про улыбку Джоконды? Вот это про меня. Шучу.

Глядя на Карину, улыбаться не хотелось.

Нет, конечно, все было при ней – яркий макияж, пышные волосы, под замшевой курточкой виднелось что-то блес тящее, с открытым вырезом – еще бы, столько денег за бюст отдала! Еще у нее были губы – пухлые и красные. Такое удовольствие тоже стоит немалых денег. Но вблизи было видно, что макияж наложен небрежно, щеки отвисли и даже руки немного тряслись. Как ни мало я знала жену своего бывшего мужа, я поняла, что с Кариной явно что-то не так.

Перед ней стояла тарелка с цветной капустой и овощным салатом. Тоже борется с лишними калориями. Кстати, ей это нужно, потому что за год, что мы не виделись, Карина ощутимо прибавила в весе, даже на глаз заметно. С необъяснимым злорадством я сообразила, что теперь в голом виде она не будет выглядеть так сексапильно. Вот интересно, оставила ли она татуировку на бедре, или пришлось убрать из-за подступившего целлюлита?

Злобно ткнув в капусту вилкой, она поморщилась и спросила:

– Закажешь что-нибудь? Только это не бери! Капуста переварена, а салат вообще несъедобный.

Я вспомнила, что со вчерашнего дня ничего не ела, и заказала котлету с брокколи.

– Что у тебя стряслось? – Я решила начать разговор первой.

– У него кто-то есть! – прошипела Карина, как только официантка отошла от стола.

– Что? – переспросила я.

– У Вадима роман! – Карина скомкала салфетку и яростно швырнула в свою тарелку. – Я это чувствую!

– И ради этого ты вытащила меня с работы? – осведомилась я с нескрываемым сарказмом. Действительно, кем надо быть, чтобы жаловаться мне на моего бывшего мужа?

Однако Карина моего сарказма совершенно не заметила. Она вообще не расслышала моих слов. Нет, при всей их с Шурочкой взаимной ненависти они в чем-то очень похожи! Правда, я уже давно сделала вывод, что подавляющее большинство людей ненавидит именно тех, кто на них чем-то похож.

– Последнее время нам постоянно кто-то звонит. Если я подхожу к телефону – трубку тут же вешают...

Да, мне такое очень знакомо. Когда Вадим закрутил роман с Кариной, она сама доводила меня такими звонками. Дышала в трубку, выразительно молчала или сразу ее вешала, услышав мой голос.

В конце концов я вообще перестала подходить к телефону.

– Кроме того, он стал очень поздно возвращаться с работы. В десять, в пол-одиннадцатого, а то и позже... А когда я спрашиваю, в чем дело, заливает про какой-то срочный отчет... и при этом отводит глаза! Что это значит, как ты считаешь?

Я прекрасно помню, как в последние полгода нашей совместной жизни мой бывший внезапно начал проявлять небывалое трудовое рвение. И точно так же воровато отводил взгляд, когда я спрашивала, где он пропадает каждый вечер. Или, наоборот, смотрел очень честными глазами и начинал многословно объяснять про какого-то важного московского заказчика, про какую-то срочную работу. При этом голос его становился сладким и тягучим, как сахарный сироп. Как же я ненавидела эти его сладкие фальшивые интонации!

Одного не пойму до сих пор: отчего мужчины считают нас полными дурами? Мы прожили с моим бывшим почти три года, за это время он имел возможность изучить меня досконально и признавал некоторые мои достоинства. Даже свекрови он говорил, что в некоторых вещах я разбираюсь лучше его.

Не говоря о разных бытовых приборах, я гораздо лучше знаю компьютер, он всегда звал меня на помощь, если что-то не ладилось. И вообще, я лучше его управляюсь с любой техникой. Именно я сумела запустить бракованную кофеварку, мы купили ее перед Новым годом с большой скидкой. Я лучше мужа читаю карты местности и могу вывести машину к цивилизации по любым дорогам. Наконец, я быстрее его разгадываю кроссворды. Конечно, это мелочь, но все же тоже о чем-то говорит.

Все это муж знал. Но как только стал мне изменять, решил, что будет достаточно его глупых отговорок, чтобы я ничего не заподозрила. Да тут и ума никого не нужно было, чтобы его разоблачить, достаточно простой наблюдательности!

И уж если даже Карина его заподозрила в измене, значит, все так и есть!

«Так тебе и надо, заразе. За что боролась, на то и напоролась. Вот он тебя теперь бросит, и что ты станешь делать? У меня хоть квартира была и работа, а у тебя и того нет. И если ты пришла ко мне за сочувствием, то ошиблась адресом» – вот что надо было ей сказать! Но как обычно, я не решилась идти в открытую.

– Думаю, ты права, – проговорила я с самым невинным видом, – очень похоже на то, как он вел себя, когда познакомился с тобой.

Карина заскрежетала зубами и едва не сломала стальную вилку, сжав ее в руке.

Официантка принесла мне мою котлету. Карина с завистью покосилась на нее и сглотнула слюну. Я мстительно отрезала большой кусок и принялась жевать.

Карина отвернулась, взяла себя в руки и проговорила немного тише:

– Замок-то ты поменяла?

– Замок? Какой замок? – Я отложила вилку и уставилась на нее. – Вы что, сговорились с Шурочкой? Вчера она спрашивала про какой-то замок, сегодня ты...

– Ну как же, – Карина подозрительно уставилась на меня, – Вадим позавчера встречал тебя из аэропорта?

– Ну да, – призналась я, – не знаю, чья это была идея...

– Шурочкина, – выдохнула Карина.

– Ну да, естественно... Как будто я сама не могла взять машину... Вечно ей больше всех надо.

Вадим встретил меня в аэропорту, помог погрузить вещи в багажник, довез до дома, но всю дорогу косился на часы. В конце концов я не выдержала и сказала, что если он очень торопится, может высадить меня возле метро. Он пробормотал что-то невразумительное и все же довез меня до подъезда. Но когда вытащил чемоданы из багажника, то позвонил по мобильнику и тут же умчался, бросив меня с багажом посреди тротуара и едва простившись.

Все это я вкратце изложила Карине.

– Какой мерзавец! – Она вскочила, чуть не опрокинув стол. Глаза пылали адским пламенем, черные волосы встали дыбом. Посетители быстро смотрели на нее с явным интересом.

– Сядь, – попросила я вполголоса, – сядь и не кричи. На нас обращают внимание!

– Плевать! – отмахнулась Карина, но все же села и, немного притушив блеск глаз, повторила: – Какой мерзавец! Он в тот день вернулся посреди ночи и сообщил, что, когда привез тебя домой, у тебя была вскрыта дверь, и он просидел у тебя несколько часов, пока вызывали милицию и дожидались какого-то знакомого слесаря, который хоть как-то подремонтировал замок...

– Вот гад! – На этот раз я вынуждена была полностью согласиться с Кариной.

Больше всего меня разозлила выдуманная им история. Ведь говорят, что ни в коем случае нельзя придумывать про себя и своих близких каких-то болезней и неприятностей, потому что такие выдумки имеют тенденцию сбываться.

– Сволочь! – подхватила Карина. – Я ему это так не спущу!

– Перед тем как уйти к тебе, он тоже устраивал мне веселую жизнь, – напомнила я, чтобы эта знойная женщина не воображала, будто мы с ней находимся по одну сторону баррикады.

– Но я – это не ты, – бросила она с плохо скрытым презрением. – Я ему отомщу! Это ты ему во всем потакала, попустительствовала. Ты совершенно его распустила! Нет, я не сделаю такой глупости! Я его убью вот этими самыми руками. – И она вытянула над столом руки с кроваво-красными ногтями.

Признаюсь, я даже вздрогнула.

Понятно, что обещания такого рода никогда не выполняют, но уж очень угрожающим тоном произнесла это Карина!

– Возьми себя в руки! – проговорила я как можно тише. – Скандалом ты ничего не исправишь!

– А ты, много ты исправила своим поведением? – прошипела она, смерив меня взглядом. – Все время только и думала, как бы соблюсти приличия, как бы спустить все на тормозах! И что ты получила в результате?

Это она намекает на ту нашу первую встречу. Тогда я, вместо того чтобы устроить скандал и вытряхнуть эту стерву на улицу прямо в голом виде, закрыла дверь и позорно сбежала из собственной квартиры. А когда вернулась поздно вечером, то собрала муженьку чемодан и выставила его за дверь. Объясняться с ним у меня не было ни сил, ни желания. Отдала, можно сказать, его Карине без бо я. Хотя, если честно, не больно-то он мне и был нужен. Ну обидно, конечно. И противно, что притащил свою девку прямо домой. Но уж очень достал меня муженек своим враньем, так что в ту ночь после его ухода я впервые за много дней спала спокойно.

Кстати, ту кровать я выбросила – теперь я женщина одинокая, мне такое широкое ложе ни к чему.

– Ты зачем ко мне пришла? – спросила я Карину очень тихо (она-то ожидала, что я стану орать, и поэтому вынужденно прислушалась). – Горем своим поделиться или совет выслушать? Горе твое я вряд ли разделю, а посоветовать могу только одно: выброси ты его из головы и из своей жизни. Если захочет уйти, ничем ты его не удержишь, от одной жены он уже ушел, так что опыт у него есть.

– Это он от тебя ушел, размазня несчастная, манная каша на воде! – с ненавистью прошипела Карина.

Она вскочила, тряхнула своей роскошной гривой и устремила к дверям, бросив мне напоследок:

– Нет, я – не ты! – И полетела на своих шпильках 12 сантиметров, грохот от них стоял, как от падающей лавины.

Все посетители быстро проводили ее взглядами, причем должна признать, что во взглядах подавляющего большинства мужчин преобладало восхищение. Некоторые из них потом взглянули на меня и наверняка согласились с Кариной: я – это не она.

Есть после такой сцены совершенно расхотелось.

Я сидела за столиком с мрачным видом и думала, что Карина в чем-то права. С чем я осталась благодаря своему стремлению все и всегда спускать на тормозах, избегать скандалов, обходить острые углы? Что я получила в результате, как высказалась «деликатная» Карина? Муж ушел, детей нет. Вообще никого нет, даже собаки или кошки. Потому что заводить домашнее животное, когда ты живешь совершенно один, – это неразумно. Более того – это эгоистично. Кто позаботится о твоём любимце в случае каких-то неприятностей? И оставить совершенно не на кого, даже в отпуск не уехать...

И сегодня – ну зачем я пошла на поводу у Карины? Зачем явилась на эту бессмысленную, идиотскую встречу? Чтобы слушать ее хамские выпады? Она выпустила пар, разрядила на меня свои эмоции, поскандалила и убежала. А я впустую потратила свой обеденный перерыв, толком не поела, вдрызг испортила настроение, да еще теперь придется платить за двоих...

На работе я скоро забыла о встрече с Кариной. Пр ишлось срочно переделывать квартальный отчет, к тому же Гена наехал – почему я так затянула, почему занимаюсь чужой работой, когда у меня своей невпроворот... Он уже, разумеется, не вспоминал, что сам уговорил меня заняться Крыжовой.

Домой приползла еле живая, включила телевизор, чтобы не чувствовать себя такой одинокой, чтобы в квартире звучал хоть какой-то голос, поставила чайник... Готовить что-то не было сил, да это и вообще глупо – готовить для себя одной.

Вдобавок ко всему в холодильнике оказалось совершенно пусто. Только на верхней полке завалился подсохший плавленый сырок, оставшийся неизвестно с каких времен.

Ну да, если я уже третий день не успеваю зайти в магазин – откуда там что-нибудь возьмется? Продукты сами домой не прибегут, до этого прогресс пока не дошел. И вроде бы ничем особенным не занята, а время куда-то уходит... Нет у меня ни малых детей, ни беспомощных престарелых родителей, я не просиживаю долгие вечера в библиотеке за изучением какого-нибудь труднодоступного предмета – к примеру, языка хинди или учения средневековых религиозных философов, однако ничего не успеваю...

Я выпила чаю с сухариком, намазав на него тот самый завалившийся сырок, плюхнулась на диван, тупо уставившись на экран телевизора, и незаметно задремала.

Проснулась я от телефонного звонка.

Телефон надрывался, как будто хотел сообщить мне что-то очень важное. Я взглянула на часы и с удивлением увидела, что уже первый час. На экране злобно переругивались два каких-то политика.

Телефон все не унимался.

Я протянула руку, сняла трубку и поднесла ее к уху.

– Слушаю! – Своим тоном я попыталась выразить, что не одобряю таких поздних звонков.

– Он у тебя? – трагическим голосом осведомилась Шурочка... то есть Сандра, моя бывшая свекровь.

– Кто? – ляпнула я спросонок.

И ежу ясно, что в такой поздний час ее мог интересовать только один человек, за исключением самой себя, – ее дорогой сыночек, а мой бывший муж Вадим. Поэтому Шурочка даже не стала отвечать на мой идиотский вопрос.

– Нет, конечно! – ответила я, окончательно проснувшись. – С какой стати? А в чем, собственно, дело?

– Он обещал приехать ко мне. Он обещал передвинуть книжную полку. И не приехал.

Всю эту бесценную информацию Шурочка выдала голосом, полным театрального трагизма.

– А Карине ты звонила? – задала я на этот раз самый естественный вопрос.

– Разумеется! – фыркнула моя бывшая свекровь. – Но ты ведь ее знаешь! Вместо ответа я нарвалась на самое вульгарное хамство! Ведь она так ужасно воспитана! Как будто выросла в сиротском приюте! Ты – это совсем другое дело!

Это очень похоже на Шурочку.

Теперь, когда я уже в прошлом, когда со мной не приходится делить драгоценное внимание Вадима, можно даже признать за мной некоторые не очень существенные достоинства. Например, сдержанный характер, воспитанность.

Раньше, когда я была женой ее обожаемого сыночка, те же самые качества ставились мне в вину.

– Больше тебя ничего не интересует? – Этим вопросом я дала Шурочке понять, что разговор окончен.

И она это, как ни странно, кажется, поняла.

– Извини, – проговорила бывшая свекровь каким-то совершенно непривычным голосом, – извини меня... Но я очень, просто очень за него беспокоюсь...

Вслушиваясь в короткие гудки, я только пожала плечами.

Надежда ловко подхватила кота, который норовил вымазать рыжей шерстью тщательно вычищенные Сан Санычем брюки, и с улыбкой поглядела на мужа.

Муж у Надежды Николаевны был второй и любимый.

Встретились они девять лет назад, когда Надежда работала инженером в крупном НИИ. Сан Саныча назначили начальником в ее отдел вместо прежнего, ушедшего на пенсию, и в первое время все сотрудники его дружно невзлюбили – за сухость, черствость, занудство и излишнюю, просто патологическую требовательность. И вообще – за то, что он очень отличался от прежнего начальника, к которому все относились с большой симпатией.

Надежде Николаевне он сначала тоже ужасно не понравился, и только постепенно она разглядела скрывающуюся за черствой внешностью человеческую душу.

А потом, когда погибла их молодая сотрудница и Сан Саныча хотели сделать крайним, Надежда вступилась за него, провела собственное расследование и нашла настоящего убийцу¹.

В ходе этого расследования они с Сан Санычем сблизились настолько, что решили пожениться.

Вскоре после этого в НИИ прошли большие сокращения, Надежда осталась без работы и стала домохозяйкой. Сан Санычу это очень понравилось. Ему, неизбалованному домашним теплом, было очень приятно, что дома его встречает любящая, заботливая жена, на столе – вкусный обед, а после отдых в уютном кресле. Ради этого он набрал несколько дополнительных халтур и подработок, носился из конца в конец города, где-то преподавал, где-то дежурил, где-то настраивал электронную технику, где-то делал сложные компьютерные расчеты и благодаря этому обеспечивал семье достаточные доходы.

Надежда Николаевна первое время тоже была довольна, радовалась непривычной свободе, увлеченно занялась хозяйством, купила несколько кулинарных книг...

Но вскоре она заскучала. Ее пытливый ум требовал работы. Она так много лет проработала инженером, причем, говорят, неплохим, так привыкла к решению сложных технических задач, что без постоянного интеллектуального напряжения чувствовала себя неполноценным человеком.

Причем, к огорчению мужа, больше всего ее интересовало распутывание всевозможных криминальных загадок, которые судьба то и дело подбрасывала Надежде Николаевне. Неожиданно для окружающих в ней открылся талант детектива-любителя.

¹ См. роман Натальи Александровой «Шаг в бездну».

В конце концов, чтобы чем-то занять жену и отвлечь ее от опасных увлечений, Сан Саныч нашел для нее необременительную надомную работу: редактирование учебных пособий и научно-популярных брошюр для небольшого частного издательства.

– Надя, не забудь, что через два дня у тебя срок сдачи! – напомнил он жене, и дверь захлопнулась.

– Где ты находишься? – осведомилась Карина, едва сдерживая ярость.

Вадим ответил тем самым слащавым, чересчур убедительным голосом, по которому она немедленно различала ложь.

– Я у Даши... Она попросила дождаться слесаря, который вставит новый замок. Ты ведь помнишь, что у нее взломали дверь... Так вот, я нашел ей хорошего слесаря, очень хорошего... мне дал его телефон Тихомиров... А у Дарьи на работе важная встреча, она не смогла ее отменить, ну и пришлось мне здесь вместо нее дожидаться... Ты же знаешь, она такая беспомощная и одинокая...

– Да?! – процедила Карина. – Ну Бог в помощь!

Она сложила мобильник и швырнула его в сумку.

Лживый мерзавец! Врет как дышит! Все, все вранье!

Карина определила вранье уже по той самой фальшивой интонации, которую успела отлично изучить за время их совместной жизни. Но интонация – это так, семечки, лирика! Самое главное – содержание его слов. Ждет слесаря? У Даши сломали дверь? Да это все подлое вранье! Дашка вчера все ей рассказала... Вот козел! Использует первую жену, чтобы обманывать вторую!

Она махнула рукой. Рядом тотчас остановилась машина – ей с ее яркой внешностью никогда не приходилось долго голосовать.

– Куда едем, красавица? – Глаза водителя-южанина сально заблестели.

Карина назвала адрес свекрови.

Наверняка этот козел крутит шашни на квартире у своей мамочки. Ей ли не знать: в свое время сколько раз он приводил ее в ту квартиру! А старая зараза создает обожаемому сыночку все условия...

– А может, лучше в ресторан? Не-ет? – проблеял водитель. – Я знаю хороший ресторан... Шашлык готовят – пальчики оближешь! – И он томно закатил глаза.

– Мы едем, или я пересяду в другую машину! – процедила Карина с такой злостью, что бомбист сразу отрезвел.

– Едем, едем, красавица! Зачем так сердиться, не-ет? Видишь, мы уже едем!

Через четверть часа они подъехали к дому свекрови.

И Карина сразу же поняла, насколько справедливы были ее подозрения!

Прямо возле подъезда стоял серебристый «форд» Вадима.

Ну до чего же наглый мерзавец! Совершенно не скрывается!

Карина расплатилась с водителем, промчалась мимо «форда», ворвалась в подъезд следом за длинным парнем с лабрадором на поводке, взлетела на четвертый этаж.

Прежде чем нажать на кнопку звонка, она несколько раз глубоко вдохнула и выдохнула – иначе звонок слишком много сказал бы тем, кто сейчас находится в квартире. А она хотела застать их врасплох.

К ее удивлению, дверь открылась очень быстро.

В дверях стоял Вадим, причем он был вполне одетым. Это было странно.

«Уже закончили или еще не успели приступить к водным процедурам?» – с живейшим интересом подумала Карина, внимательно разглядывая своего лживого мужа с головы до ног и в обратном направлении.

– Это... это ты? – проговорил Вадим, бледнея. – Как ты здесь очутилась?

– Пролетала мимо, – ответила Карина, решительно отодвигая его в сторону и врываясь в прихожую. – На метле, как ты понимаешь. Ну и где же она?

– Кто? – переспросил Вадим.

– Ты дурака-то из себя не строй! – Карина скрипнула зубами и метнулась в сторону спальни.

Там было пусто.

Разве что любовница мужа спряталась под кроватью или в платяном шкафу...

Она наклонилась, приподняла край покрывала, потом дернула дверцу шкафа – пустой номер.

– Да что ты, в конце концов, устраиваешь? – Вадим собрался с силами и повысил голос: – Как ты себя ведешь в доме моей матери?

В его голосе звучал праведный гнев. Тоже мне, праведник! Карина не сомневалась, что рыльце у него в пушку.

– В доме этой старой сводни? – отозвалась Карина и, снова оттолкнув мужа в сторону, бросилась по квартире, заглядывая во все укромные уголки. Она заглянула в кладовку, сунула голову в дверь кухни, выглянула на балкон.

– Не смей оскорблять мою мать! – запоздало возмутился Вадим и попытался встать на пути у разъяренной фурии.

Проще было бы остановить раненого носорога.

Карина зашипела, как змея, которой наступили на хвост, выставила вперед острые ярко-алые ногти и взмахнула ими, как пятью остро заточенными ножами. Вадим подозревал, что ногти Карины ядовиты. Он отшатнулся, поднял руку, чтобы заслонить лицо, и при этом нечаянно заехал локтем Карине в скулу. Она взвизгнула, отскочила и снова бросилась в атаку.

И в это время тихо открылась дверь ванной.

– Кариночка, это ты приехала? – прозвучал за спиной у взбешенной женщины приторный детский голосок.

Карина развернулась и уставилась на свекровь.

Та стояла на пороге ванной в розовом шелковом халате и с махровым полотенцем на голове.

– Сандра? – изумленно выдохнула Карина. – Ты здесь?

– А где же мне еще быть, как не у себя дома? – просюсюкала свекровь. – А вот ты... что ты здесь делаешь? Если бы ты заранее предупредила, я бы хоть чайник поставила... да и себя привела бы в надлежащий вид... Нельзя же появляться так неожиданно... Я бы пирожных купила... хотя при твоей комплекции сладкого лучше избегать...

– Сговорились? – прошипела Карина.

Она уже поняла, что номер не вышел, поймать мужа с поличным не удалось, этому подонку опять удалось вывернуться, и, как всегда, в этом виновата свекровь!

– О чем ты, деточка? – прежним медовым голосом осведомилась Шурочка. – А что у тебя с лицом? Ты упала?

– Где? – Карина метнулась к зеркалу, бросила взгляд на свое отражение и побледнела: в том месте, куда заехал локтем Вадим, уже проступал впечатляющий синяк.

– С-скотина! – выдохнула она, прижав руки к щекам, и повернулась к свекрови. – Это все ваш обожаемый сыночек! Имейте в виду – я пойду в травмпункт и зафиксирую побои! Я подам на него в суд! Я отправлю его на нары!

– Что ты, деточка, – на этот раз голос свекрови прозвучал, как скрип железа на сорокаградусном морозе, – Вадик никогда, ты слышишь – никогда не поднимал руку на женщину! Я буду свидетельствовать в его пользу...

– Ага, наверное, я сама себе засветила фонарь! – Карина перекосилась от ненависти и снова взглянула в зеркало. Нет, в таком виде она не может показаться на людях!

Вадим, который до этой секунды стоял в сторонке и растерянно хлопал глазами, как он всегда поступал в стрессовых ситуациях, подобрался к матери и что-то зашептал ей на ухо.

Опять, гад, задумывает какую-то пакость!

Но теперь Карина думала не о нем, а о себе. О том, что делать с этим здоровенным синяком, который на глазах наливался сочной синевой, как спелый баклажан.

– Кариночка, деточка, тебе действительно нужно немедленно обратиться к врачу! – снова зашебетала Сандра. – Ты, наверное, ушиблась о дверь, когда носилась по квартире, а это не шутки... Тебе пропишут какую-нибудь мазь и физиотерапию... Я тебя провожу... Ты пока займись этим шарфиком...

Свекровь сунула в руки Карине шелковый платок с видами Флоренции. Сама же каким-то удивительным способом за считанные секунды успела переодеться и причесать свои аккуратненькие жиденькие кудельки и теперь медленно, но верно подталкивала невестку к дверям квартиры.

Впрочем, Карина почти не сопротивлялась.

После того как она пережила ужасное разочарование, не застав мужа на месте преступления, да еще схлопотала по физиономии, ее покинул былой кураж, и она не представляла более угрозы для общественной безопасности. Послушно, как автомат, она двигалась к выходу, одновременно закутываясь в дурацкий платок, чтобы замаскировать свои боевые увечья.

Свекровь под локоток вывела ее из квартиры, затем из подъезда. По дороге им никто не встретился.

Под ручку, как лучшие подруги, они дошли до остановки, и Сандра впихнула невестку в первую подъехавшую маршрутку.

– Приложи к этому месту сырое мясо! – крикнула она вслед отъезжающему микроавтобусу. – Сырое мясо очень помогает от синяков! Это старинное народное средство!

– Если бы это было твое мясо, я бы десять раз подумала! – прошипела Карина себе под нос. – Оно наверняка ядовито!

Не успела я разобраться с накопившимися делами, как Гена вызвал меня к себе в кабинет. Редкие волосы у него стояли дыбом, галстук съехал набок, глаза смотрели в разные стороны. На столе перед ним громоздился настоящий Эверест из папок с документами. В общем, деловая творческая обстановка.

– Березкина! – завопил он, едва я открыла дверь. – Чем ты там занимаешься?

– Годовым отчетом, – ответила я спокойно, не ожидая никакого подвоха.

– Брось все к чертовой матери! Сейчас же поезжай в страховую компанию «Барокко», они аннулировали договоренность о страховании финансовых рисков! Нужно пригрозить им штрафными санкциями, напомнить о неустойках, прижать к стене и добиться, чтобы восстановили все обязательства...

– Но это же твоя работа... – робко заикнулась я. – Ведь с моим характером...

– Я жду Семибоярова! – выпалил он с таким чувством, как будто его обещал посетить сам Господь Бог. – И вообще, кто из нас начальник? Это приказ, а приказы не обсуждаются!

– Интересно, а кто за меня будет заканчивать отчет? Ты же сам вчера сказал, что...

– Вчера было вчера, а сегодня – сегодня, – глубокомысленно ответил шеф.

С этим заявлением трудно было поспорить. Кроме того, он – начальник, значит, он всегда прав.

– Только с твоим золотым характером можно разрулить эту проблему! – решил он напоследок подсластить пилюлю.

– Кто-то говорил, что с моим характером... – начала я, но он замахал руками:

– Иди, иди, Березкина, некогда с тобой препираться, Василий Антонович тебя отвезет...

Василий Антонович – это наш водитель.

Это мрачный дядька пенсионного возраста, который очень любит вспоминать, как возил большого начальника в советские времена. Это неприятное качество ему прощали за то, что водителем он был в самом деле виртуозным и каким-то чудом умудрялся объезжать все пробки. Буквально чудом.

Я плюхнулась на заднее сиденье и прикрыла глаза, надеясь хоть немного отдохнуть. Но не тут-то было. Василий Антонович тронулся с места и завел свою обычную шарманку:

– Вот ты знаешь, Дарья, кто в советские времена был главным человеком в любом городе?

– Первый секретарь горкома, – привычно ответила я, потому что уже выучила этот текст.

– Правильно! – одобрил водитель, уважительно покосившись на меня в зеркало заднего вида. – А ты знаешь, Дарья, кто был вторым после него человеком?

– Второй секретарь... – пробормотала я, безуспешно пытаясь отключиться.

– А вот и неправильно! – радостно воскликнул Василий Антонович. – Вторым человеком в городе был водитель первого секретаря! Потому что мог обо всем переговорить со своим шефом, пока его везет. Включая даже разные вопросы. Ты, Дарья, не представляешь, какие люди стояли ко мне в очередь!

Он оседлал своего любимого конька и всю дорогу рассказывал о своем былом величии.

К счастью, доехали мы очень быстро.

Я выскочила из машины, сказала Василию Антоновичу, чтобы заехал за мной через полтора часа, и нырнула в стеклянные двери страховой компании.

Перед этим я бросила взгляд через плечо на соседний дом.

Ко всем радостям моей сегодняшней поездки добавилось еще то, что офис компании «Барокко» располагался рядом с домом моей бывшей свекрови Шурочки.

Я поздоровалась со знакомой девицей, которая кормила рыбок около входа, прошла через приемную, сделала «козу» секретарше управляющего и ворвалась в его кабинет.

Управляющий «Барокко», толстый, вечно потеющий мужик лет сорока, уставился на меня волком.

– Не надо меня уговаривать! – рявкнул он, положив на стол пудовые кулаки. – Я принял решение, и баста! Нам этот геморрой ни к чему! Никакой прибыли, одни неприятности!

– Я не собираюсь вас уговаривать, Андрей Сергеевич, – ответила я совершенно спокойно. – Я только хотела напомнить вам кое-какие пункты договора.

Все-таки спокойная интонация иногда делает чудеса, как утверждал доктор Леденцов.

Страховщик шумно выдохнул, убрал кулаки и пропыхтел:

– Какие еще пункты?

– Двенадцатый, подпункт «Е», и четырнадцатый... – Я положила перед ним копию договора, без приглашения уселась в гостевое кресло и откинулась на спинку.

Андрей Сергеевич принялся читать текст, шевеля губами, а я повернулась к окну.

Это окно выходило прямо на подъезд моей бывшей свекрови.

И в этот самый момент к подъезду подошла Карина.

Впрочем, сказать, что она подошла, было бы неправильно.

Она мчалась к подъезду, ничего перед собой не видя и не разбирая дороги. Если бы у нее на пути оказалось какое-нибудь незначительное препятствие вроде бездомной кошки или зазевавшейся старухи, Карина просто затоптала бы несчастную и не заметила. Ее густая черная грива стояла дыбом, лицо пылало пятнами нервного румянца, глаза полыхали, как два бортовых огня сторожевого катера.

В общем, она выглядела самой настоящей ведьмой. Если ей чего и не хватало – так это метлы в качестве индивидуального средства передвижения.

Я вспомнила наш вчерашний разговор и решила, что Карина от слов перешла к делу. Впрочем, мне это было совершенно безразлично. Мне хватало собственных проблем.

Тем более что Андрей Сергеевич поднял голову и пробурчал с плохо скрытым сарказмом:

– Ну и что? Санкции, предусмотренные двенадцатым пунктом, не могут быть применены по закону от четвертого ноября...

– Совершенно верно, – кивнула я, – так бы оно и было, но подпункт «Е» относится как раз к нашему случаю...

Я какое-то время растолковывала ему нашу позицию, как тупому третьекласснику. Выслушав меня, он наморщил лоб и снова углубился в чтение договора.

Я опять взглянула в окно.

И снова увидела нечто интересное.

Из подъезда вышла Шурочка... то есть, извините, Сандра, ведя под руку Карину.

Но на этот раз я с трудом узнала жену моего бывшего мужа.

Ее как будто подменили.

Вместо ведьмы с пылающим взглядом и всклокоченной черной гривой шла растерянная, ссутулившаяся, резко и неожиданно постаревшая женщина. В довершение ко всему, ее голова и даже часть лица, как у свободной женщины Востока, была обмотана каким-то пестрым шелковым платком.

Карина шла неуверенно, без определенной цели, и если бы Шурочка ее не подталкивала, наверное, просто остановилась бы, как механический зайчик из рекламы, у которого кончилась батарейка.

Они подошли к краю тротуара, Шурочка призывно замахала рукой, остановила проезжающую мимо маршрутку и впихнула в нее свою невестку.

После этого Шурочка постояла немного, дождалась, когда маршрутка свернет за угол, потом оглянулась на свои окна на четвертом этаже. Задрав голову, она улыбнулась кому-то и помахала рукой. Мне показалось даже, что в окне мелькнул чей-то силуэт. Ясно чей – моего бывшего муженька: только своему ненаглядному сыночку мамочка может улыбаться так нежно и приветливо. После этого Шурочка прихорошилась, поправила свои завитые кудряшки и пошла мелкими шажками в сторону проспекта, аккуратно обходя лужи.

Я пожалала плечами: вся сцена была довольно странной.

Однако думать о ней было некогда, тем более что страховщик наконец дочитал договор и поднял на меня взгляд:

– Ну ладно, так и быть... мы не будем настаивать на аннулировании этого договора...

Еще бы он настаивал! Штрафные санкции его просто разорят!

Но я, разумеется, ничего подобного не сказала, давая ему возможность сохранить лицо, и поднялась, проговорив:

– Я рада, что мы смогли найти общий язык!

– Кофе выпьешь? – спохватился хозяин кабинета, вспомнив о правилах гостеприимства.

– Некогда! – Я замахала руками.

Машина уже ждала меня возле дверей офиса.

Вернувшись в родную фирму, я заглянула к Гене, чтобы сообщить о своем успехе.

И он, разумеется, взглянул на меня с раздражением и осведомился, когда я наконец закончу годовой отчет.

* * *

Надежда Николаевна вздохнула и поплелась на кухню.

Там она съела яйцо с тостом, выпила большую чашку кофе, хотела сделать себе вкусный бутерброд с копченой колбасой, но вспомнила о весах, которые в сердцах затолкала под шкаф, и передумала.

Весы были ее личным врагом: они каждую неделю показывали все большие и большие цифры, наверняка только для того, чтобы испортить Надежде настроение.

Покончив с обязательными утренними делами, Надежда Николаевна уселась за компьютер.

Этим утром душа ее совершенно не лежала к работе, она не могла забыть вчерашнюю ужасную историю, не могла забыть мертвое лицо человека в маршрутке, но у нее были насущные дела, которые требовали к себе пристального внимания.

Ей действительно нужно было через два дня сдать в издательство редактуру очередной брошюры.

Брошюра была предназначена для рачительных домохозяек. В ней излагались всевозможные советы по экономии домашнего бюджета – как вполне очевидные, вроде того, что нужно гасить свет, выходя из комнаты или туалета, и своевременно заменять протекающие краны, до более сложных – например, настоятельно советовали поставить в квартире счетчики воды и специальный электрический счетчик, отдельно считающий расход энергии для дневного и ночного времени.

«Поставив у себя такой счетчик, вы сможете перенести на ночные часы некоторые энергоемкие процессы и тем самым сэкономить на оплате электроэнергии».

Надежда представила, что готовит по ночам обеды или стирает белье в стиральной машине, и пришла в ужас. Нет, лучше она переплатит за электричество, но не дойдет до такого кошмара!

Также автор статьи очень советовал заменить обычные электрические лампочки на энергосберегающие.

«Они стоят дороже обычных, но разница в цене очень быстро окупится за счет расходов на электричество...»

Прочитав эту фразу, Надежда вспомнила свой сон.

На папке у преследовавшего ее мертвеца было написано: «Восьмая международная конференция по энергосберегающим технологиям». Она удивительно ясно разглядела это название.

Но ведь это название не было порождением ее сна, оно действительно было вытиснено на папке того человека из маршрутки, сейчас Надежда нисколько в этом не сомневалась. Просто в тот момент надпись на папке совершенно не интересовала ее – гораздо важнее были кровь на рубашке и мертвое лицо владельца папки...

Надежда Николаевна записала отредактированную часть текста и вышла в Интернет. Включив поисковую программу, она сделала запрос на словосочетание «Восьмая конференция по энергосберегающим технологиям».

И через несколько секунд узнала, что эта конференция проходила в нашем городе примерно месяц назад, что в ней принимали участие крупные ученые из разных стран, что организатором ее являлся известный ученый, член-корреспондент Академии наук, директор крупного научно-исследовательского института, что на этой конференции были прочитаны чрезвычайно интересные доклады по самым разным аспектам экономии энергии...

Все это ничего Надежде не давало.

Тут же были ссылки на статьи в крупных газетах, посвященные этой конференции.

Надежда наугад щелкнула одну из ссылок, и на экране всплыла фотография. За столом сидели участники конференции, дававшие ответы корреспондентам. За спиной одного из участников она заметила очень знакомое лицо.

Увеличив фотографию, Надежда Николаевна окончательно убедилась, что видит того самого человека, чей труп нашла вчера в маршрутке.

«Ну и что, – подумала она, отстранившись от экрана, – я и так знаю, что он участвовал в этой конференции. Никакой дополнительной информации я не получила. И вообще, Саша совершенно прав, нужно заниматься собственными делами. У меня сдача редактуры через два дня, а работы еще очень много».

Однако легко сказать, но трудно сделать.

Надежда не могла заставить себя перестать думать об убийстве в маршрутке.

Она нисколько не сомневалась, что это было заранее задуманное, хладнокровное, тщательно спланированное убийство.

Если бы того человека убили с целью ограбления случайные уголовники, они ни за что не вернулись бы на место преступления, чтобы увезти тело. Оставили бы его в маршрутке, и дело с концом. Но они вернулись, погрузили труп в багажник своей машины и увезли в неизвестном направлении, рискуя наткнуться на водителя или на другого случайного свидетеля...

«Забыть обо всем этом как о страшном сне! – внушала себе Надежда Николаевна. – Забыть и заниматься редактурой!»

Как о страшном сне...

Она вспомнила свой сегодняшний сон.

О чем просил ее мертвец?

«Предупредите Вадима!»

Кто такой Вадим?

Ах, ну да, это автор той непонятной эсэмэски, которая разбудила ее сегодня ночью! Понятно, что во сне мертвец назвал именно это имя – ведь говорят, что во сне всплывают и озвучиваются все наши полузабытые дневные впечатления, хранящиеся в глубине сознания. И после того как она прочла в мобильнике имя отправителя, это имя совершенно закономерно всплыло в страшном сне...

Но этот Вадим, кто бы он ни был, действительно может находиться в серьезной опасности. Его друг, владелец мобильника, уже убит, и те двое, которые расправились с ним, вероятно, охотятся и на его приятеля... а она, Надежда, ничего не делает!

«Да с чего ты это взяла? – говорил Надежде Николаевне ее внутренний голос, пытаясь вернуть ее на путь истинный, призвать к разумному поведению. – Все это – твои фантазии, домыслы, игра воображения!»

– Ага, и труп в маршрутке – тоже игра моего больного воображения? – вслух ответила Надежда своему внутреннему голосу.

«Очень может быть!» – ответил тот.

– И этот мобильник – тоже плод моего воображения? – Надежда ткнула пальцем в чужой телефон, неопровержимой уликой лежащий рядом с клавиатурой компьютера.

На этот раз внутренний голос промолчал – видимо, ему нечего было ответить.

Вдохновленная его молчанием, Надежда потянулась к злополучному мобильнику.

У нее мелькнула еще одна мысль, которую нужно было немедленно проверить.

Выбрав в меню мобильника опцию «принятые звонки», она нашла самый последний по времени вызов – тот самый звонок, который застал ее вчера вечером во время возвращения домой после истории с трупом.

Как она и подозревала, звонил ей тот же самый Вадим, отправитель загадочного ночного сообщения.

Что он тогда сказал?

Кажется, так: «Я его видел, видел собственными глазами! Ты понимаешь, что это значит?»

Наверное, он хотел о чем-то предупредить своего приятеля, но его предупреждение запоздало, того уже убили. И вот теперь, с того света, при помощи Надежды он сам пытается предупредить Вадима о грозящей тому опасности...

«Не ввязывайся в это дело! – истошно выкрикнул Надеждин внутренний голос. – Знаешь ведь, что добром твое вмешательство не кончится! Работай, занимайся домом, думай о своих собственных делах! У тебя, между прочим, на сегодня обеда нет! Чем ты будешь кормить мужа, когда он вернется с работы?»

Надежда тяжело вздохнула: она прекрасно понимала, что внутренний голос прав.

Тем не менее она взяла мобильник и набрала номер неизвестного ей Вадима.

Сухой женский голос холодно сообщил ей, что абонент временно недоступен. Видимо, этот голос был заодно с Надеждиным внутренним голосом, который на этот раз удовлетворенно молчал.

Надежда снова вздохнула, отложила телефон, решив позвонить Вадиму попозже, и принялась за редактуру.

Через два часа ей позвонили из издательства, чтобы уточнить несколько моментов.

Точнее, кое-что включить в уже готовый текст.

Дело в том, что у них недавно сменился главный редактор.

Как известно, новая метла по-новому метет, и этот новый редактор начал вводить в редакционную работу новые тенденции. Прежде он работал в издательстве, выпускающем литературу для детей и юношества, поэтому привык непрерывно сеять разумное, доброе, вечное и считал, что каждая выпускаемая ими брошюра должна содержать какие-то воспитательные моменты. Даже пособие по борьбе с мелкими грызунами и бытовыми насекомыми или инструкция по уходу за обувью. А уж тем более такая серьезная брошюра, как та, над которой в данный момент трудилась Надежда Николаевна.

К ороче говоря, от нее требовалось подчеркнуть важность бытовой экономии для всего государства и внушить каждой домашней хозяйке, что протекающий кран или непогашенная лампочка в туалете нанесет значительный урон не только ее семейному бюджету, но и всему прогрессивному человечеству.

В итоге Надежде Николаевне пришлось вносить в уже отредактированный текст многочисленные правки. Когда она покончила с этими правками, Надежда взглянула на часы и ахнула – через час должен был вернуться с работы голодный муж, а она еще и не приступала к приготовлению обеда. Самое ужасное – у нее уже не оставалось времени сходить в магазин.

К счастью, в холодильнике нашлась охлажденная курица, из которой вполне можно было приготовить и суп, и второе, и Надежда включилась в процесс приготовления пищи.

В результате, когда Сан Саныч позвонил в дверь, на столе красовался ароматный бульон с яйцом и гренками, а курица под белым соусом нетерпеливо ждала своей очереди.

– Как вкусно пахнет! – Сан Саныч всунул ноги в домашние тапочки и двинулся на запах: – Как я люблю, когда ты не занята очередным самостоятельным расследованием!

И только эти его слова напомнили Надежде Николаевне, что она собиралась перезвонить Вадиму.

Как бы то ни было, сделать это при муже не было никакой возможности, и звонок волевым решением пришлось перенести на следующий день.

Я прибежала на работу пораньше и занялась отчетом, потому что Гена, если разозлится, может очень грубо наорать, а я, как уже говорилось, по складу характера не могу достойно отвечать на грубость. И в это время снова зазвонил телефон.

– «Ариадна»! – проговорила я со сдержанным оптимизмом.

Этот оптимизм в голосе прививал нам Гена. Он считал, что такая уверенная, жизнерадостная интонация вызывает у клиентов доверие к нашей фирме.

– Ариадна? Какая еще Ариадна? – Женский голос в трубке показался мне совершенно незнакомым. – Почему вдруг Ариадна? Это Даша? Даша Карасева?

– Даша Березкина, – поправила я холодно.

Карасев – это фамилия моего бывшего мужа Вадима. Я в замужестве оставила свою собственную фамилию, и уж тем более не собиралась отзываться на «Карасеву» после развода.

– А, ну да, Березкина... я же и смотрю на «б»... – Мне показалось, что моя собеседница шуршит страницами, словно сверяется с растрепанной записной книжкой.

– С кем я говорю? – настороженно осведомилась я.

– Это Лида... Лидия Васильцова... я тебе должна сообщить очень важное...

Я вспомнила Шурочкину приятельницу, чрезвычайно болтливую, молодящуюся особу, постоянно занимающуюся какими-то художественными проектами.

– Простите, Лида, но я на работе...

– Чушь! – отрезала та. – У меня написано, что это домашний телефон... Так вот, я тебе должна...

– Уверю вас, это рабочий телефон! – Я повысила голос. – И я не могу сейчас...

– А, правда, это я так написала «р», – Лида хихикнула, – это у меня почерк такой... Но я все равно должна тебе сообщить такую важную новость...

– Пожалуйста, Лида, покороче! – взмолилась я.

– Вадим погиб! Его убили! – выпалила Васильцова. – Но если тебе некогда...

– Что?! – Я опешила. – Как убили? Когда убили? Кто убили... то есть кто убил?

– Тебе же некогда, – мстительно проговорила Лидия, – ты же на работе!

Однако она тут же смиростивилась и с очевидным удовольствием сообщила, что убили Вадима вчера, в квартире у Шурочки... то есть у Сандры, когда та уходила по делам, проломили ему голову каким-то тяжелым предметом.

Есть такие люди, которым самое большое удовольствие доставляет возможность сообщить кому-нибудь скверную новость. Причем чем хуже новость – тем больше удовольствие.

– Какой ужас! – проговорила я, уставившись в стену.

На этой стене висел календарь с высокохудожественными поросятами.

Год Свиньи.

– Какой ужас! – повторила я совершенно искренне. Несмотря на все обиды и разочарования, мне было искренне жаль Вадима. И я, честно говоря, совершенно не могла представить его мертвым.

– Вот именно – ужас! – подхватила Васильцова. – А представляешь себе ужас Сандры, когда она пришла домой и обнаружила его мертвым? Обнаружила труп собственного сына! Это просто невозможно себе представить!

– Когда это случилось? – машинально осведомилась я. Хотя, честно говоря, предпочла бы этого не знать.

– Sandra нашла его около пяти! – сообщила Васильцова, явно наслаждаясь своей информированностью. И тут же она заторопилась: – Извини, мне нужно очень многих обзвонить... Ты у меня на «б», поэтому я сообщила тебе самой первой...

Видимо, я должна была по достоинству оценить выпавшую мне удачу.

Я снова услышала шелест страниц, и трубку повесили.

А я еще долго сидела, тупо глядя на календарь с розовыми поросятами.

Я никак не могла осознать, что Вадим действительно мертв.

В отличие от Карины смерти я ему никогда не желала. Несмотря ни на что.

Я вспомнила, как позавчера в бистро «Папа Карло» Карина клялась убить Вадима собственными руками... Неужели она это действительно сделала?

Да нет, разумеется, это были пустые угрозы. Кто в запале не бросается такими словами? Хотя тот, кто видел ее в тот момент, мог очень серьезно отнестись к ее угрозам!

Потом я вспомнила, как вчера Шурочка с Кариной вышли из подъезда. Это было около четырех. Выходит, почти сразу после этого Вадима и убили. Можно сказать, почти на моих глазах!

Во всяком случае, Карина просто физически не могла убить Вадима. Потому что я видела, как она ушла из квартиры вместе с нашей общей свекровью.

Может быть, она все же вернулась и разделалась с ним?

Я вспомнила, как шла Карина – безвольно, растерянно, не разбирая дороги... Нет, в таком состоянии не то что убить человека – чашку чаю себе самостоятельно не нальешь... Да и по времени никак не сходится – не могла она уложиться в такой короткий промежуток...

Да что у них там произошло наконец? Кто кого убил?

Я набрала мобильный номер Вадима. Автоответчик сообщил, что абонент временно не обслуживается.

Тогда я набрала номер его домашнего телефона. На этот раз из трубки понеслись короткие нервные гудки.

Занято.

Повторила набор еще раз, и еще, и еще – то же самое. С кем Карина там болтает? Нашла время! Или просто трубку забыли положить. Кладя трубку на место, я заметила, что руки трясутся. Еще отчего-то прыгали губы, так что пришл ось закусить нижнюю. Ольга из бухгалтерии появилась в дверях кабинета и вытаращила глаза, видно, и вправду вид у меня был впечатляющий. Ольга порывалась что-то спросить, но я махнула рукой, чтобы она исчезла. Губа болела и кровоточила – я слишком сильно ее прикусила. У Вадима по-прежнему было занято. У свекрови никто не отвечал.

Дольше ждать я просто не могла. Нужно было немедленно выяснить правду.

Я вскочила, поспешно покидала свои вещи в сумку и выскочила в коридор.

И разумеется, наткнулась прямо на Геннадия.

– Ты куда? – оторопело спросил он. – Зайди ко мне, нужно немедленно поговорить...

Я только махнула рукой. Видимо, мое лицо настолько красноречиво выражало внутреннее состояние, что Гена отскочил в сторону и больше ничего не сказал. Все-таки он реалист и знает, когда не нужно изображать начальника.

Сразу у дверей офиса я поймала частного, и через двадцать минут он высадил меня возле подъезда дома, где жили Вадим и Карина.

Точнее, чуть в стороне от подъезда, потому что место перед самым подъездом было уже занято. Там стояли две машины – ржавые, выдавшие виды «Жигули» и иномарка с мигалкой на крыше.

Вокруг этих машин толклось несколько парней, по виду которых сразу было понятно, что они служат в милиции. Они выглядели точь-в-точь, как персонажи фильма про ментов. А поодаль от них толпились зеваки и прохожие, которые непременно слетаются на запах скандала или преступления.

Я двинулась в сторону подъезда, но, сделав несколько шагов, инстинктивно притормозила. Меня остановило внезапно пробудившееся шестое чувство, или интуиция, или внутренний голос, – его можно называть по-разному, самое главное, что прежде я им не обладала и даже не верила в его существование, а тут оно неожиданно проснулось и приказало мне задерживать шаги.

И в ту же самую секунду двери подъезда открылись, и оттуда вывели Карину.

Выглядела она просто ужасно: густые черные волосы растрепаны, макияж размазан, на щеке лиловет здоровенный синяк, блузка порвана на плече, но самое главное – на ее лице было совершенно несвойственное Карине выражение: смесь страха и отчаяния. Обе эти эмоции были не из ее репертуара. Эта знойная женщина всегда верила в свои силы, эта уверенность видна была за километр, и подозреваю, что именно из-за нее на Карину так западали некоторые мужики. Например, мой бывший муж Вадим.

Едва выйдя из подъезда, Карина приостановилась, растерянно оглядываясь по сторонам, словно кого-то искала, и тут же невысокий сутулый мужчина, который вел ее за локоть, зло прикрикнул и толкнул ее вперед.

– Вот она, убийца! – выкрикнула какая-то тетка из толпы зевак. – Мужа родного отравила! Из-за любовника... Ее бы саму крысиным ядом надо! Эх, жалко, не полагается!

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.